

был бесчестен <...> Я вам давеча все налгал, — для славы, для роскоши, из праздности, — все, все до последнего слова, о негодяй, негодяй!» [Т. 10. С. 496].

6. Оскорбление какого-либо лица во внутреннем монологе персонажа: «Кто живет дольше сорока лет, — отвечайте искренно, честно? Я вам скажу, кто живет: дураки и негодяи живут» [Т. 5. С. 100]; «[Раскольников] Вот они снуют все по улице взад и вперед, и ведь всякий-то из них подлец и разбойник уже по натуре своей; хуже того — идиот!» [Т. 6. С. 401]; «[Хроникер о Лямшине] У мерзавца действительно был талант. Степан Трофимович уверял меня однажды, что самые высокие художественные таланты могут быть ужаснейшими мерзавцами и что одно другому не мешает. <...> Этот негодяй, который несколько лет вертелся пред Степаном Трофимовичем, представляя на его вечеринках, по востребованию, разных жидков, исповедь глухой бабы или родины ребенка <...>. Я не заговорил бы об этом мерзавце особливо, и не стоил бы он того, чтобы на нем останавливаться; но тут произошла одна возмущающая история, в которой он, как уверяют, тоже участвовал <...>» [Т. 10. С. 252].

Рассмотренные случаи показывают, что бранная лексика у Достоевского далеко не всегда направлена на оскорбление кого-либо, что является ее прямой функцией, она также часто или выступает в роли аффективов, приобретая междометный характер, или, наоборот, употребляется осознанно и взвешенно, как, например, в абсолютно размеренной, правильно оформленной речи Федьки-Каторжника. Другими словами, экзальтированная, взволнованная речь не обязательно волнует, а неэмоциональная речь может возбудить у слушателя эмоции, что в очередной раз говорит о способности Достоевского соединять несхожее по форме, стилю и значению для создания феноменального, то есть трудно постигаемого смысла.

Диапазон функций бранной лексики, таким образом, может существенно расширяться: кроме интенции оскорбить мотивацией является вуалирование, сокрытие смысла; в некотором роде противоположная функция — парольность, снятие оппозиции свой/чужой; бранные слова часто используются для заполнения пауз в речи; говорящий, например интеллигент или интеллектуал, публично употребляет табуированное бранное слово для того, чтобы произвести впечатление или показать свою независимость от существующих норм, и т. д. Можно предположить, что одним из ключевых параметров элитарной языковой личности, если воспользоваться этим устоявшимся штампом, является не отсутствие в речи бранных слов, но способность к осознанному, рефлексивному, и мотивированному их употреблению. Что, впрочем, можно сказать об употреблении вообще любого слова.